

Российская Академия наук
Санкт-Петербургский институт истории

На правах рукописи

ЛИТВИН ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАРЕЛЬСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС И ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ**

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург — 2013

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского
научного центра Российской Академии наук

Научный
руководитель:

Илюха Ольга Павловна
доктор исторических наук

Официальные
оппоненты:

Гуркина Нина Константиновна
доктор исторических наук,
профессор кафедры таможенного дела и логистики Северо-
Западного института
управления РАНХиГС

Синова Ирина Владимировна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии и истории
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета

Ведущая
организация:

*Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина*

Защита диссертации состоится 3 декабря 2013 года в 16.00 часов
на заседании Диссертационного совета при Санкт-Петербургском институте
истории РАН Д 002.200.01 по адресу: 197110, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского
института истории РАН (г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7)

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
канд. ист. наук

П. В. Крылов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Сегодня, как и во второй половине XIX – начале XX вв., Россия находится в процессе перехода от одного типа общества к другому¹, переоценивается место и роль женщины в семье и социуме, происходит изменение гендерного порядка. В этой связи продуктивным представляется обращение к историческому опыту, когда в результате преобразований второй половины XIX в. на государственном уровне создавались предпосылки трансформации патриархатных устоев. Распространение капиталистических отношений, индустриализация и модернизация общества привели к возрастанию роли женщины в семейной экономике, ее включению в производственные отношения за пределами семьи. Следствием данного процесса стало перераспределение традиционных гендерных ролей, что заложило основы для пересмотра статусных позиций женщины, корректировки законодательной базы в этом отношении.

Любой социальный процесс или явление общероссийского масштаба могли приобретать своеобразный характер в российских регионах. Карелия является в какой-то мере типичной, а в какой-то степени уникальной частью России. Одна из ее особенностей — полиэтничность населения. Поэтому гендерная экспертиза социально-исторических явлений на местном уровне представляется многомерной проблемой, решение которой требует учета широкого круга знаний по отечественной, региональной и этнической истории. Диссертационное исследование является первым шагом на пути воссоздания социального портрета карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX вв. не только как жены и матери, но и участницы отношений в социально-экономической сфере.

Цель диссертационного исследования — комплексное изучение и выявление специфики положения карельских крестьянок в семье и сельском социуме в условиях модернизационных перемен в России во второй половине XIX – начале XX веков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проследить влияние модернизационных преобразований на эволюцию законодательства и корректировку норм обычного права в отношении женщины-крестьянки;

¹ Стратегия инновационного развития российского общества до 2020 г. (утверждена распоряжением Президента РФ В. В. Путиным 8.11.2012 № 2227-р) // Собрание законодательства Российской Федерации, 02.01.2012, № 1, ст. 216.

- рассмотреть этапы гендерной социализации в карельской семье сквозь призму официального законодательства и национальных традиций;
- определить характерные особенности положения женщины в карельской семье и влияние социально-экономических процессов второй половины XIX – начала XX вв. на изменение внутрисемейного быта;
- выявить сферы трудовой деятельности карельских крестьянок за пределами семьи в связи с переменами в общественной и экономической жизни страны и края; рассмотреть распространенные способы женских заработков и проследить их эволюцию, а также проанализировать причины, по которым некоторые виды занятий остались не востребованными карелками;
- охарактеризовать место и роль карельской крестьянки в жизни православного прихода и старообрядческой общины;
- выявить основные формы девиантного (преимущественно преступного) поведения в карельской деревне с учетом гендерного принципа, а также оценить степень влияния реформ на их распространение.

Объектом исследования является повседневная жизнь карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX вв.; предметом научного анализа выступает изменение ее социокультурного и правового статуса под воздействием модернизационных преобразований.

Хронологические рамки охватывают вторую половину XIX – начало XX вв. Нижняя граница рассматриваемого периода связана с началом проведения буржуазных реформ. Верхней границей исследования являются события 1917 г., которые повлекли за собой коренные изменения во всех сферах жизни российского общества.

Территориальные рамки исследования определены населенным преимущественно карелами пространством Петрозаводского, Повенецкого, Олонецкого уездов Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губернии. За пределами научных изысканий остались тверские и новгородские карелы, которые в результате переселения в XVII в. проживали обособленно от основной части этноса.

Методологическую основу диссертационной работы составили принципы и подходы, разрабатываемые социальной и гендерной историей².

² Гендер (англ. gender) — род, социальный пол. Сегодня ведущие исследователи понимают под «гендером» не просто социально сконструированный пол, но *систему* межличностных отношений, которая является основой для общественной стратификации по признаку пола (См.: Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 168).

Методологические основы гендерной истории были заложены в 1980 годы американской исследовательницей Дж. Скотт. Она выделила взаимосвязанные элементы «гендера», лежащие в основе функционирования социальных отношений: от комплекса культурных символов, которые формируют образы «мужчин» и «женщин» до деятельности социальных институтов, через которые происходит усвоение гендерных норм в обществе³.

Гендерный подход предполагает рассмотрение влияния реформ на жизнь конкретных мужчин и женщин. Пристальное внимание к человеческому опыту, судьбам отдельных людей присуще антропологически ориентированным направлениям — *истории повседневности* и *микроистории*. В данной работе женская повседневность интерпретировалась с учетом многофакторности жизни. В поле нашего зрения оказались как ежедневно повторяющиеся, ритуализированные женские практики, так и отдельные казусы, нестандартные пути решения проблем в новых социально-экономических реалиях. Такой подход дал возможность проследить процесс усвоения гендерных ролей, а также «высветить» жизненные ситуации подчинения и сопротивления сложившимся устоям.

Таким образом, введение категории «гендера» позволяет системно исследовать социально-историческую реальность, когда изучаемый объект представляется не только как часть некой системы, но и сам может рассматриваться в качестве системы со своими элементами, функциями и правилами взаимодействия.

При изучении демографических процессов или анализе гендерных аспектов социально-экономического развития важным приемом является формализация данных и использование *количественных методов*. В целом, исследование опирается на общеисторические методы: *историко-генетический* и *сравнительно-исторический*.

Степень изученности темы.

Исследование социально-правового статуса русской женщины в дореволюционной историографии было связано с влиянием женского движения и либерализацией общественной жизни во второй половине XIX в. Часть авторов того времени придерживались мнения о бесправном положении крестьянки, как в личном, так и имущественном отношениях (А. Лудмер, Н. Соколовский, А. Чарушин). Согласно другой точке зрения, «народная» женщина обладала особым статусом со строго очерченными правами и обязанностями (А. Ефименко, А. Щапов, И. Харламов). В этот же период издаются тематические сборники, прямо или косвенно рассматривающие правовое положение женщины («Женщина в праве»,

³ Scott J. W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. Vol. 91. № 5. P. 1067–1069.

«Исследования по русскому праву. Семейному и наследственному», «История русского гражданского права» и др.).

В советской историографии, вплоть до 1970-х гг., в поле зрения исследователей оказалась, прежде всего, женщина-общественница — участница освободительного и революционного движения, активистка на производстве⁴.

Конец 1970-х гг. ознаменовался появлением исследований, рассматривающих демографические характеристики крестьянской семьи, а также эволюцию ее форм и специфику распределения ролей⁵. В работах современных крестьяноведов, в частности, показано, как под воздействием реформ менялась роль женщины в семье и сельском социуме, возрастала ее активность и признавалась значимость⁶.

Становление женских, а затем гендерных исследований в России пришлось на конец 1980-х — начало 1990-х гг. Среди отечественных историков, внесших наибольший вклад в разработку данной проблематики, следует назвать Н. Л. Пушкареву, И. С. Кона, Г. А. Тишкина, И. И. Юкину, А. В. Белову, Л. П. Репину. Интерес к данному направлению сохраняется и сегодня.

Одним из активно разрабатываемых сюжетов является изучение истории женского движения и «женского вопроса» в России⁷.

⁴ Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 26–33.

⁵ Демографические проблемы семьи. М., 1978; Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половине XIX вв.). Новосибирск, 1979; Милогорова И. М. Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Вестник Московского университета. 1987. Сер. 8. История № 6. С. 37–46 и др.

⁶ Безгин В. Б. Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков: на материалах губерний Центрального Черноземья. Автореф. дисс... док. ист. наук. Москва, 2006; Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М., 2009; Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991; Крюкова С. С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2003; Морозов С. Д. Брачность и рождаемость крестьян Европейской России (конец XIX – XX вв.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник 1999. С. 95–113; Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. М., 2002; Федоров В. А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. № 4. С. 3–21 и др.

⁷ Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998; Карченкова Т. А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Омск, 2004; Тишкин Г. А. Женский вопрос в России (50-е – 60-е годы XIX века). Л., 1984; Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России. (1860–1917). Иваново, 1994; Шилина Т. А. Эволюция

Следует выделить направление женской и гендерной истории, которое концентрируется на анализе положения женщин определенных социальных слоев и групп⁸, а также на выявлении этнической специфики⁹.

В Карелии обращение к «женской» теме было связано с изучением традиционной крестьянской семьи. В работах Р. Ф. Тароевой (Никольской) и А. П. Санниковой (Новицкой) определены основные этапы развития карельской семьи с древнейших времен до середины XX в. В 1970-х гг. этнографическое изучение карельской семьи продолжил Ю. Ю. Сурхаско, сосредоточивший внимание на реконструкции обрядовой стороны жизни. Этнокультурный подход в исследовании традиционного сельского сообщества реализован в работах Т. А. Бернштам.

Современные авторы затрагивают различные стороны жизни карельской семьи, уделяя особое внимание социально-демографическим процессам¹⁰. Заметный вклад в разработку этих вопросов внесли финские историки¹¹.

женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2010 и др.

⁸ Вахромеева О. Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс... док. ист. наук. СПб., 2009; Веремко В. А. Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс... док. ист. наук. СПб., 2007; Колесникова В. Л. Женщина духовного сословия второй половины XIX – начала XX столетия: исторический портрет (на примере Курской и Тамбовской губерний). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 2007; Котлова Т. Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX – XX вв.: на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний. Автореф. дисс... док. ист. наук. Иваново, 2003; Меньшикова Е. Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX века: исторический портрет (на примере Воронежской и Курской губерний). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Белгород, 2008 и др.

⁹ Ившина М. В. Статус женщины в традиционном удмуртском обществе XIX – начала XX в. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2000; Рагимова Б. Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX века: роль и место в семейной и общественной жизни. Автореф. дисс... док. ист. наук. Махачкала, 2001; Христоробова Л. С. Женщина в удмуртском обществе, XVIII – нач. XX в. Ижевск, 2006 и др.

¹⁰ Смирнова С. С. Демографические процессы в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв.: Опыт компьютерного анализа метрических книг. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2002; Чернякова И. Ю. Традиции брачных и семейных отношений в конце XVIII – начале XX в. // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 42–82.

¹¹ Waris E. Yksissä leivissä: Ruokolahtelainen perhelaitos ja yhteisöllinen toiminta, 1750–1850. Helsinki, 1999; Partanen J. Isän tuvasta omaan tupaan. Väestö ja kotitaloudet Karjalankannaksen maaseudulla, 1750–1870. Helsinki, 2004; Pöllä M. Vienankarjalainen perhelaitos 1700–1900. Helsinki, 2001; Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden: Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880–1940. Helsinki, 1993; Shikalov Y. «Ilona on käki

Положение карельской женщины в культурно-антропологическом ракурсе представлено в работах О. П. Илюха¹² и М.–Л. Кейнанен¹³. Таким образом, предметом анализа стали, прежде всего, семейно-брачные отношения, а также демографические процессы, протекавшие в карельской семье.

Вместе с тем в рамках исследования семейной повседневности некоторые аспекты остаются практически нераскрытыми. Это касается изучения правового статуса солдаток и вдов. Одним из немногих авторов, последовательно раскрывающих незавидную долю солдатки, является П. П. Щербинин. В схожем положении оказалось исследование статуса вдовы¹⁴.

Неравномерно изучена внесемейная повседневность карельских крестьянок. Вопросы профессиональной социализации ремесленниц и кустарниц, а также участие женщин в отходничестве затрагиваются в работах Н. А. Кораблева, А. П. Косменко, Д. В. Базегского.

В работах Н. А. Кораблева¹⁵ и В. Г. Баданова¹⁶ рассматривается деятельность предпринимателей-мужчин, которые действительно составляли большинство в этой сфере. Однако существовал обширный слой мелких торговцев, среди которых было немало женщин, в том числе карелок. Этот аспект проблемы до сих пор оставался без внимания исследователей.

Общие сведения о становлении и развитии сельской медицины на Европейском Севере, в том числе о деятельности акушерок, представлены в статье Н. К. Гуркиной¹⁷.

Вопросы религиозной жизни населения Олонецкой губернии находятся в поле зрения Ю. Н. Кожевниковой, М. В. Пулькина, И. Н. Ружинской, на материалах Архангельской губернии их анализируют И. Н. Белобородова, Т. А. Бернштам, В. Н. Матонин, Е. В. Пашенко. Однако этническая

metsässä, ilona on lapsi perheessä». Syntymä, imeväiskuolleisuus ja aviottomat lapset Vienan Karjalassa ja Vienanmeren länsirannikolla 1860–1910-luvuilla. Helsinki, 2010.

¹² Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб., 2007.

¹³ Keinänen M.–L. Creating Bodies: Childbirth practices in pre-modern Karelia. Stockholm, 2003.

¹⁴ Исключением являются диссертационное исследование И. В. Стасевич и статья З. З. Мухиной.

¹⁵ Кораблев Н. А. Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX вв. Петрозаводск, 2011.

¹⁶ Баданов В. Г. Из истории частного предпринимательства в Карелии в последней трети XVIII в. // Пименовские чтения—2007. Петрозаводск, 2007. С. 25–36.

¹⁷ Гуркина Н. К. Сельские медицина и медики в дореволюционной России (на материалах губерний Европейского Севера) // Медицина России в годы войны и мира: новые документы и исследования. СПб., 2011. С. 315–329.

составляющая, за исключением работ И. Н. Ружинской¹⁸ и М. В. Пулькина¹⁹, опускается из виду.

Изучение различных форм отклоняющегося поведения все больше привлекает внимание историков. Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался появлением ряда работ по данной проблематике (Б. Н. Миронов, Н. Ф. Зоткина). На материалах Олонецкой губернии основные элементы мужского отклоняющегося поведения в крестьянском социуме выделил М. В. Пулькин.

Таким образом, опыт российской и зарубежной историографии обеспечивает необходимую основу для всестороннего анализа жизни и быта карельской крестьянки с гендерных позиций.

Источниковую базу диссертационного исследования составляет комплекс письменных документов официального и неофициального характера.

Выявление архивных документов велось в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА СПб), Национальном архиве Республики Карелия (НА РК), Государственном архиве Архангельской области (ГААО), Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН), Областном архиве г. Йоэнсуу (Joensuu maakunta-arkisto). Использованы источники 25 архивных фондов, содержащих преимущественно делопроизводственные материалы, статистические сведения, источники личного происхождения.

По виду письменные источники делятся на законодательные акты, делопроизводственную документацию, статистические материалы, периодическую печать, публицистические издания, источники личного происхождения.

Законодательные акты, регулирующие правовое положение женщины, представлены Полным собранием законов Российской империи и Сводом законов Российской империи. Обратившись к их статьям, можно проследить эволюцию законодательства по отношению к различным категориям женщин (например, солдаткам и вдовам). В Своде законов инкорпорированы личные и имущественные права всех членов семьи, а также регламентированы различные стороны общественной и производственной жизни женщин.

Если законодательные положения имели общегражданское значение, то нормы обычного права, нашедшие отражение на страницах периодических изданий, варьировали и отражали региональную и этническую специфику²⁰.

¹⁸ Ружинская И. Н. Старообрядчество Олонецкой губернии в конце XVIII – середине XIX века: численность, расселение и состав: Автореф. дис... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2002.

¹⁹ Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск, 2009.

²⁰ Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов

Демографические характеристики крестьянского населения содержатся в ежегодных отчетах губернатора, материалах Десятой ревизии 1857 г. и Всеобщей переписи населения 1897 г.

Становление и развитие акушерской помощи сельским женщинам можно проследить по делам Врачебного и ветеринарного отделения Архангельского губернского правления, статистических комитетов, а также по Памятным книжкам Архангельской и Олонецкой губерний.

Рапорты и отчеты о состоянии ремесленных классов позволяют говорить о возросшем внимании властей к образованию крестьянских детей в целом и девочек в частности.

Сведения о занятости карельских крестьянок в архивных документах представлены фрагментарно. Общие данные об участии женщин в сельскохозяйственных работах и отходничестве содержатся в статистических отчетах местных органов власти, материалах Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., специальных изданиях.

Материалы проверок торговых заведений содержат информацию о предпринимательской деятельности карельских крестьянок. Переписка с подведомственными органами о привлечении женщин на государственную службу отложила в фонде олонецкого губернатора.

Некоторые сведения о монастырской жизни крестьянок — числе послушниц из карельских волостей, повседневных нуждах женских монастырей, а также о жизни отшельниц представлены в документах фонда Олонецкой духовной консистории, Кемского отделения Совета Архангельского православного Беломорско-Карельского братства. Количественные сведения о старообрядцах содержатся в отчетах священников и уездных исправников.

Общегубернские данные о количестве и составе преступлений отложились в фондах Олонецкого уголовного и гражданского судов, статистических комитетов Олонецкой и Архангельской губерний. Специфику правонарушений, совершаемых в карельской деревне, а также данные о семейных и внутриобщинных конфликтах, можно обнаружить в приговорах сельских сходов, в делах волостных правлений, участковых земских начальников, уездных съездов земских начальников, Архангельского губернского по крестьянским делам присутствия.

Различные стороны внесемейной повседневности крестьянки представлены в делопроизводственных материалах и официальных ведомственных изданиях. Делопроизводственные материалы и статистические сводки различных учреждений и ведомств содержат

Архангельской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. VIII. СПб., 1878. С. 1–233; Колясников А. Я. Материалы для изучения народных юридических обычаев. Народные юридические обычаи карел, живущих в Олонецком уезде // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 43–54.

в значительной мере формализованную и обобщенную информацию о женщине-крестьянке, позволяющую выявить общие и локальные тенденции демографических процессов, степень вовлеченности женщин в ремесленное и кустарное производство, участие в промышленном отходе, показывают уровень и характер преступности.

Информацию официальных источников дополняют материалы личного происхождения, среди которых для реконструкции жизни и быта карельской женщины особую ценность представляют публикации дореволюционных путешественников и краеведов — Н. Березина, И. К. Инхи, М. А. Круковского, Н. Ф. Лескова, В. Н. Майнова, И. В. Оленева, С. Паулахарью.

Результаты наблюдений за народной жизнью находили также отражение на страницах периодических и повременных изданий: «Олонецких губернских ведомостей», «Вестника Олонецкого губернского земства», «Олонецкой недели», «Живой Старины», «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера», «Олонецкого сборника», Памятных книжек Архангельской и Олонецкой губерний и т. д.

Особую ценность для исследования представляют источники, составленные самими женщинами или по их просьбе. Это женские прошения, которые отложились в делах волостных правлений и участковых земских начальников, а также автобиографии карельских сказительниц, записанные в 1936–1941 гг.

Итак, комплекс официальных источников, дополненных этнографическими фиксациями и материалами личного происхождения, составляет информационную основу диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии на основе комплексного анализа разнообразных источников и научной литературы представлен социокультурный облик карельской крестьянки второй половины XIX – начала XX вв.

В работе показано, как на фоне социально-экономических трансформаций менялась повседневность карельской женщины: какие черты традиционного уклада сохранялись, а какие подвергались модернизации и оказали влияние на положение крестьянки в семье и сельском социуме.

Практическая значимость. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при написании обобщающих трудов по социальной истории Карелии и России второй половины XIX – начала XX вв., при разработке лекционных курсов по историческому краеведению, истории прибалтийско-финской культуры, женской и гендерной истории.

Результаты исследования могут быть полезны при разработке программ, направленных на реализацию идей гендерного равенства, с учетом местной специфики и исторического опыта Республики Карелия.

Основные положения, выносимые на защиту.

Модернизационные преобразования второй половины XIX – начала XX вв. повлекли за собой изменения в структуре и жизненном укладе крестьянской семьи. На семейном уровне это проявлялось, в частности, в перераспределении традиционных обязанностей мужчин и женщин, что оказывало влияние на статус карельской крестьянки.

Расширение потоков трудовой миграции из деревни в город, рост сроков отлучек мужчин приводили к усилению значимости оставшихся дома женщин для поддержания благополучия крестьянского хозяйства.

Ускорение темпов развития экономики страны способствовало вовлечению женщин в процесс отходничества, участию в мелкой предпринимательской деятельности. Вместе с тем карельские женщины практически отсутствовали в сферах труда, требовавших специального образования.

Религиозная жизнь карелок отличалась строгой приверженностью православным традициям. Монастыри Олонецкой и Архангельской губерний пополнялись, в частности, за счет девушек и женщин из карельских волостей. Однако сведения об их жизни «вне мира» крайне фрагментарны. Последствия репрессий против старообрядцев, в полной мере затронувшие Карелию, сформировали тип социально активной женщины-старообрядки, обладавшей высоким авторитетом и знаниями для учительской и миссионерской деятельности.

В конце XIX в. в целом по России наметилась тенденция роста преступности. Уровень преступности в карельской деревне как среди женщин, так и среди мужчин оставался низким, основную часть правонарушений составляли незначительные проступки. Типично «женские» преступления — детоубийство, аборт, занятия проституцией — не получили распространения в Карелии.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были представлены на международном конгрессе, 3 международных, 1 всероссийской и 5 региональных конференциях.

Результаты работы отражены в 17 научных статьях, в том числе в 3 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, а также в сборнике документов и материалов.

Работа автора по теме диссертации была поддержана грантами: программой Фундаментальных исследований Отделения историко-

филологических наук РАН «Карельская деревня: преодоление конфликтов и генезис трансформаций» (2009–2011 гг., исполнитель), программой Президиума РАН «Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI вв.: модернизация и этнокультурная традиция» (2012–2014 гг., исполнитель), РГНФ «Эвристический потенциал историко-этнографических источников о повседневной жизни карельской семьи в конце XIX – первой трети XX вв.» (2012–2014 гг., исполнитель).

Структура диссертационного исследования.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность, определены цель и задачи, объект и предмет диссертации, хронологические и территориальные рамки, указаны методы работы, обозначена научная новизна и практическая значимость, осуществлен анализ источников и научной литературы, приведены основные положения диссертации, выносимые на защиту, а также результаты апробации исследования.

В первой главе **«Особенности развития карельской деревни и социокультурная специфика крестьянской семьи во второй половине XIX – начале XX вв.»** очерчены административные и географические границы рассматриваемой территории, раскрыты характерные черты поселенческой сети, хозяйственной жизни края. В демографической структуре населения женщины преобладали над мужчинами, что было связано с промысловым типом хозяйствования, развитием отходничества. Особое внимание уделено вопросам социально-экономического и религиозно-культурного развития региона в пореформенный период. Показано, что комплекс природных и социальных условий края повлиял на проводимые государством преобразования, имевшие свою специфику в южной и северной Карелии. В частности, в Кемском уезде не были созданы земские учреждения.

В результате реформ во второй половине XIX – начале XX вв. дальнейшее развитие получили некоторые виды промысловых занятий и отходничество, что являлось следствием, в том числе, вовлечения в них женщин и подростков. В результате деятельности земства в Олонецкой губернии на качественно новый уровень перешли система образования и здравоохранения. Менее благополучная картина вырисовывалась в Архангельской губернии, где отсутствие органов местного самоуправления затрудняло реализацию культурных и социально-экономических преобразований.

Духовная жизнь Карелии в конце XIX – начале XX вв. была отмечена активизацией приходской жизни: возрастало число приходов, развивалось

храмостроительство, создавались церковно-приходские попечительства, реформировалась система церковно-учебных заведений.

Незавершенность проводимых реформ, неблагоприятные природно-климатические условия, неразвитость транспортных коммуникаций, а также малодворность сельских поселений и их «распыленность» являлись основными препятствиями для социально-экономического и культурного развития края.

Социально-экономические преобразования повлекли за собой структурные изменения в семье: в конце XIX в. увеличилось число малых (нуклеарных) семей, участились семейные разделы. Последняя треть XIX – начало XX вв. были отмечены уменьшением средней величины семьи. В Кемском уезде Архангельской губернии и в трех «карельских» уездах Олонецкой губернии средний размер семьи в 1897 г. составлял 4,7 чел. Данные процессы отразились на традиционном распределении домашних работ. В неразделенной семье существовала строгая регламентация ролей, прав и обязанностей в соответствии с социальным статусом членов семьи. В малой семье все основные работы распределялись между мужем и женой, что требовало готовности к взаимозаменяемости и приводило, с одной стороны, к увеличению нагрузки, с другой — к большей самостоятельности и независимости женщины.

Внутрисемейные отношения в карельской семье чаще всего базировались на принципах уважения и любви. По сравнению с центральными и южными губерниями России, положение карельской женщины отличалось большей независимостью, а семейное насилие было редким явлением.

Во второй главе **«Женщина в системе семейной иерархии: гендерные роли, формирование и закрепление женской идентичности»** раскрываются основные этапы социализации карельской крестьянки в соответствии с возрастом и семейным статусом.

В *первом параграфе* «Особенности социализации девочек в карельской традиционной культуре» рассматривается периодизация детства с точки зрения российского законодательства и норм обычного права, обращено внимание на основные механизмы формирования гендерно ориентированного поведения детей.

Главным институтом социализации на протяжении рассматриваемого периода оставалась семья. В карельской культуре была сформирована четкая и, вместе с тем, гибкая система воспитания. Особое значение в рамках гендерной дифференциации имели приобщение детей к труду, игровые практики.

Развитие системы начального образования во второй половине XIX – начале XX вв. оказывало влияние на уровень грамотности и мировоззрение крестьянского населения. Создание в конце XIX в. олонецким земством классов ручного труда, обучение в школах основам сельского хозяйства и животноводства позволили частично преодолеть стереотип о ненужности

женского образования. В целом, к концу XIX в. наблюдалось увеличение числа девочек в начальных народных училищах, что стало следствием постепенного изменения крестьянского менталитета.

Во *втором параграфе* «Переходный характер статуса девушки» раскрывается повседневная жизнь карелки в период девичества. Основное содержание данного этапа заключалось в подготовке к замужеству, сборе приданого и закреплении гендерных ролей.

В связи с ростом рынка рабочей силы в последней четверти XIX в. увеличилось число молодых карелок, вовлеченных в отходничество, кустарные и ремесленные промыслы. Причем в возрастной группе 8–17 лет девочки и девушки более активно, чем юноши участвовали в зарабатывании средств. Часть денег использовалась для приобретения приданого, состав которого становился более разнообразным и в конце XIX в. включал в себя значительное число предметов фабричного производства (мыло, серьги, платки, отрезки тканей, некоторые виды одежды).

Обязательной составляющей периода девичества было участие в праздниках, молодежных гуляниях и посиделках, на которых расширялся круг социальных связей. Здесь же обычно происходило знакомство с будущим супругом. Внутри молодежного коллектива существовала своя социальная иерархия, которая в значительной степени определялась имущественным положением.

Средний возраст вступления в первый брак девушек Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX вв. составлял 21 год, юношей — 24 года; в Кемском уезде — 23 и 28 лет соответственно. Чем севернее находилось поселение, тем выше была верхняя возрастная граница, что было следствием комплекса причин социально-экономического и культурного характера. В приграничных с Финляндией волостях нередкими были межконфессиональные браки. В карельской культуре практически отсутствовали браки по принуждению, сохранялось уважительное отношение родителей к выбору дочери.

Третий параграф «Повседневность замужней женщины» освещает семейную жизнь карельской крестьянки: специфику бытовых отношений между супругами, традиционное распределение трудовых обязанностей на «женские» и «мужские», элементы смещения гендерных ролей, а также семантику гендерно-маркированного пространства жилища.

С хозяйственными функциями членов семьи было связано пространство жилища крестьянской избы, традиционной делившейся на «мужскую» и «женскую» половины. Пространственно-гендерная соотношенность жилища была обусловлена хозяйственными функциями членов семьи. Однако гендерная закреплённость трудовых ролей в промысловых районах нередко нарушалась, чему способствовали и модернизационные преобразования — рост количества мужчин, вовлеченных во внекраевую отход, увеличение сроков их отлучек. Призыв мужской части населения на действительную

службу, военные мобилизации также вынуждали женщин выполнять все хозяйственные работы.

Материнство, как социальный институт, претерпело ряд изменений. В Беломорской Карелии в конце XIX в. наблюдалось снижение уровня рождаемости; в большинстве крестьянских семей рождалось 2–5 детей. Указанная тенденция являлась следствием влияния отходничества (пик рождений приходился на благоприятные для ухода за ребенком зимние месяцы) и «западной» (городской) модели репродуктивного поведения. В результате снижалась детская смертность, и таким образом корректировалась рождаемость. Подобные перемены меняли представления о традиционном поведении, согласно которому статус женщины в значительной степени определялся ее репродуктивной способностью.

Осуществлен анализ личных и имущественных прав карельской крестьянки. Закон утверждал абсолютное господство мужа над женой, однако четкие границы его личной власти в статьях законодательства не были определены. Более подробно были прописаны имущественные права супругов, которые базировались на принципах раздельности имущества.

Источником, позволяющим обнаружить случаи нарушения прав крестьянок, являются их прошения в органы местной власти о выдаче паспорта или отдельного вида на жительство без согласия супруга по причине имущественной несостоятельности последнего или жестокого обращения. Анализ документации выявил, что прошения направлялись карелками (особенно при наличии детей) лишь в крайних случаях. Закон 1914 г.²¹ расширил права крестьянки, освободив ее от обязанности спрашивать разрешение мужа при получении паспорта.

В *четвертом параграфе* «Положение вдовы и солдатки» анализируются правовой статус и варианты адаптации социально незащищенных категорий женщин.

Особенностью Севера было значительное — почти трехкратное — преобладание вдов над вдовцами. Закон строго оговаривал имущественные права вдовы, однако в соответствии с патрилинейной системой родства, защищал интересы, прежде всего, мужской части семьи. Нормы обычного права при определении размера наследственной доли вдовы отличались большей гибкостью: учитывался тип семейной организации, наличие у крестьянки детей и их половая принадлежность, личностные качества женщины.

Вдовство толкало женщин из малоимущих семей к уходу на заработки. По данным конца XIX в. в некоторых волостях Петрозаводского уезда

²¹ О расширении личных и имущественных прав замужних женщин и о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений об отношениях супругов между собою и к детям (См.: Собрание узаконений и распоряжений Правительства от 28 марта 1914 г. № 78. Ст. 902).

овдовевшие крестьянки составляли до 1/3 всех отходниц. Крестьянки в зрелом возрасте оставались либо на попечении сыновей, либо, при несовершеннолетии последних, становились во главе семьи.

В источниках зафиксированы обстоятельства нарушения имущественных прав вдовых крестьянок. Конфликтные ситуации возникали при семейных разделах, прежде всего, с братьями мужа и пасынками. Имели место случаи посягательства на собственность вдовы со стороны односельчан.

Военная реформа 1874 г. оказала воздействие на социальный статус солдатки: сокращение сроков службы привело к упразднению солдатского сословия. Однако материальное положение таких семей оставалось тяжелым.

Государственная поддержка семей военнослужащих более последовательно стала осуществляться с введением положения 1912 г. «О призрении нижних воинских чинов и их семейств». Размер пособия определялся губернаторами и зависел от рыночной стоимости продуктов: в Карелии в 1916–1917 гг. он составлял от 3 до 10 руб. в месяц. Тем не менее, его величина не покрывала всех потребностей семьи. Дефицит бюджета заставлял солдаток самостоятельно искать средства к существованию, что способствовало формированию их правосознания, выработке навыков общения с органами власти.

В третьей главе **«Карельская крестьянка в социокультурном пространстве деревни во второй половине XIX – начале XX вв.»** рассматривается внесемейная повседневность в гендерном измерении.

Первый параграф «Экономические возможности женщины в сельском сообществе: занятия и заработки» посвящен анализу тех сфер трудовой деятельности, в которых карельские крестьянки во второй половине XIX – начале XX вв. активно действовали и успешно проявляли себя, а также выявлению причин, по которым ряд занятий остался не востребованным женщинами.

Динамичное развитие в последней четверти XIX в. получили отхожие промыслы. В пределах своей волости крестьянки нанимались на сельскохозяйственные работы (50% карелок в общей структуре женской занятости). Оплата женского труда была почти в два раза ниже мужского, что частично объяснялось характером выполняемых работ. Специфическим для Карельского Поморья было участие женщин в ловле и продаже рыбы, а также работа гребцами и провожатыми.

География внекраевого отхода определялась местонахождением деревни: женщины из Олонецкой Карелии отправлялись преимущественно в Петрозаводск и Санкт-Петербург, из Беломорской Карелии — в Финляндию. В пределах России крестьянки находили себе работу в сфере обслуживания или занимались сельским хозяйством. В Финляндии распространенной оставалась торговля в разнос. В результате исследования установлено, что на заработки уходили в основном незамужние крестьянки или вдовы. На протяжении рассматриваемого периода увеличивалось как число женщин-

отходниц, так и сроки их отлучек. Если в 1876 г. в Кемском уезде билеты, дающие право на полугодовую отлучку, были выданы 69 женщинам, а паспорта сроком до 1 года — 29 женщинам, то в 1914 г. уже 117 женщин имели паспорта и только 6 билеты.

Снятие ограничений на предпринимательскую деятельность в 1863 и 1865 гг., активизировало ее в целом по России, в том числе в Карелии. Некоторые крестьянки являлись хозяйками собственных лавок. Ассортимент товаров диктовался потребностями края: мука, чай, кофе, сахар и т. д. Годовой оборот мелочных лавок в карельских волостях Олонецкого уезда в последней четверти XIX в. варьировался от 200 до 1200 руб., средний доход крестьянок составлял около 100 руб. в год.

С целью оживления промышленной жизни края, правительством было предусмотрено развитие кустарных и ремесленных производств. Несмотря на активную поддержку олонецкого земства, в карельских волостях женские промыслы либо имели «домашнюю» направленность, и только излишки шли на продажу (прядельно-ткацкий и вышивальный ремесла), либо были локализованы в одной деревне и не могли составить заметную конкуренцию на общероссийском уровне (производство постельных принадлежностей, золотошвейное и кружевное мастерство). Подобное положение было следствием, с одной стороны, роста доли фабричных изделий на рынке, с другой — низкой технической оснащенности кустарных производств. Кроме того, посредники скупали товар по минимальным ценам, что тоже препятствовало развитию женских промыслов.

В рассматриваемый период происходила феминизация ряда профессий, прежде всего, в системе образования и здравоохранения. Несмотря на прогрессивные изменения в данных сферах, карельские крестьянки практически отсутствовали среди учительниц и младшего медицинского персонала. Традиционное воспитание ориентировало девушек всецело посвящать себя семье. Существенным препятствием на пути к профессии учительницы был языковой барьер. Профессия акушерки с трудом приживалась в деревне из-за высокого авторитета местных повитух.

Во втором параграфе «Религиозная жизнь карельской женщины: вера и отношение к церкви» исследована роль женщины в системе православного прихода и старообрядческой общины.

Показано, что женская религиозность отличалась большей приверженностью обрядности. Однако исполнение обязанностей, возложенных на прихожан, нередко нарушалось крестьянками в праздничные дни, что было связано с их загруженностью домашними работами.

Во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Олонецкой и Архангельской губерний действовали восемь женских монастырей. Послужные списки не фиксировали национальную принадлежность послушниц, однако очевидно, что часть из них поступали из «карельских» уездов. Возраст крестьянок, состоящих при монастырях Олонецкой губернии,

варьировал от 11 до 72 лет; более половины из них получили образование в церковно-приходской школе.

Внимание официальных властей не раз привлекала деятельность женщин-старообрядок, в том числе из карельских волостей. Они участвовали в распространении вероучения, обучали детей, в их домах проводились религиозные собрания и богослужения. В ходе исследования был сделан вывод о том, что высокий статус старообрядок в значительной степени сформировался в связи с репрессиями против «раскольников», когда в условиях борьбы с «никонианскими» нововведениями женщины проявили себя как инициативные и последовательные хранительницы «древлего благочестия». Кроме того, одним из распространенных течений в Карелии было беспоповское согласие, предоставлявшее женщине больше свободы и самостоятельности.

Третий параграф «Гендерный аспект девиантного поведения: проступки и преступления в сельском социуме» дает представление о случаях отклоняющегося поведения в крестьянском сообществе с учетом гендерного принципа. Обращается внимание на толкование законом понятия «правонарушения», а также на существование гибких условий отбывания наказания для женщин. Анализ уровня преступности среди женщин Олонецкой и Архангельской губерний в конце XIX – начале XX вв. показал, что он не превышал 20% от общего числа правонарушений. Вместе с тем за период с 1897 по 1911 гг. преступность в Олонецкой губернии выросла почти в 3 раза как среди женщин, так и среди мужчин.

Уровень преступности в карельских деревнях был ниже, чем в русских. Женщины привлекались к суду преимущественно за мелкие проступки: незаконную торговлю, клевету, нарушение общественного порядка. Согласно статистическим данным, большинство правонарушений совершались крестьянками в возрасте 21–50 лет.

Такое правонарушение, как несоблюдение процедуры заключения брака на российском Севере встречалось довольно часто, что объясняется как культурными традициями (приверженностью к старообрядчеству), так и удаленностью, труднодоступностью церквей для жителей многих поселений. Следствием невенчаных браков было появление «незаконнорожденных» детей. В ходе исследования был уточнен и подтвержден вывод о том, что в Беломорской Карелии к рождению ребенка вне брака относились снисходительно, тогда как появление внебрачных детей в Олонецкой Карелии встречало осуждение сельского социума.

Повсеместно в России «женскими» видами преступлений считались детоубийство, аборт и занятия проституцией. Большая часть таких преступлений тщательно скрывалась, поэтому восстановить общую картину можно лишь фрагментарно. Исследование показало, что детоубийство в карельских волостях совершалось крайне редко. Занятия проституцией имели место в Карелии, однако носили локальный характер. Женщины «легкого

поведения» искали заработки в основном в крупных торговых центрах — Архангельске, Кемь, Вытегре.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы.

Положение женщины в карельской крестьянской семье, с одной стороны, определялось патриархальными представлениями, что подтверждает четкая регламентация поведения и распределения гендерных ролей; с другой — реальными потребностями семьи и экономической целесообразностью.

Изучение правовых основ брака показало, что эта сфера крестьянской жизни в Карелии находилась под юрисдикцией обычая.

«Конструирование» гендерной идентичности начиналось еще до рождения ребенка. В отличие от официального законодательства, в котором прописывались общие для детей обоего пола положения, в повседневной жизни их воспитание проходило в рамках четко дифференцированной социализации. Жизнь девушки характеризовалась, прежде всего, подготовкой к браку. Товарно-денежные отношения и городская мода во второй половине XIX – начале XX вв. все больше проникали в сельскую молодежную среду, в результате чего появились новые способы пополнения приданого, изменился его состав.

Наиболее заметные изменения в пореформенный период претерпела повседневная жизнь замужней женщины, что было следствием распада больших семей и усиления имущественной дифференциации. Это приводило к перераспределению трудовых ролей внутри семьи. Существенное влияние на рост самостоятельности карельской крестьянки оказывало длительное отсутствие мужчин, уходивших на заработки.

Положение вдовы определялось комплексом причин, важнейшими из которых были ее возраст, наличие детей и индивидуальные качества женщины. На жизнь солдаток оказала воздействие военная реформа 1874 г., а также ряд правительственных мер конца XIX – начала XX вв., направленных на поддержку семей военнослужащих. Однако государственная помощь таким семьям носила либо эпизодический характер, либо была недостаточной.

Структура занятости карельских крестьянок в рассматриваемый период определялась потребностями рынка, экономико-географическим положением региона и его культурными особенностями. Развивались женское отходничество, мелкая предпринимательская деятельность. В то же время женское кустарно-ремесленное производство не выдерживало конкуренции с фабричными изделиями и не получило развития в рассматриваемый период. Профессии учительницы и акушерки оказались малодоступными для крестьянок из-за языкового барьера и господствовавших в обществе представлений о предназначении женщины.

Место и роль карельской крестьянки в православном приходе и старообрядческой общине различались. Жизнь послушниц и отшельниц из

карельских волостей редко становилась объектом пристального внимания церковной администрации. Давление, оказываемое российским государством на старообрядческую общину, наряду с принципами построения иерархии внутри нее сформировали иной тип женщины — деятельной наставницы и энергичной проповедницы.

Анализ уровня преступности в Олонецкой и Архангельской губерниях показал рост числа женских правонарушений в конце XIX – начале XX вв. В волостях, заселенных преимущественно карелами, фиксировалось незначительное количество преступлений, специфика которых была связана с сильным влиянием старообрядческих традиций.

Таким образом, генеральное направление перемен в положении карельской крестьянки было обусловлено совокупностью социально-экономических сдвигов в обществе, что выразилось в постепенном изменении репродуктивного поведения и снижении детности семьи; росла инициатива женщин и их роль в системе домашней экономики в пополнении семейного бюджета. Вместе с тем базовые патриархальные установки с трудом поддавались корректировке: женщина, прежде всего, являлась женой и матерью, хранительницей нравственных устоев и только затем участницей производственных отношений.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. *Литвин Ю. В.* Карельская крестьянка во второй половине XIX – начале XX вв.: источниковедческий аспект гендерного исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 3 (116). С. 36–39.
2. *Литвин Ю. В.* Права крестьянки на свободу передвижения во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Олонецкой губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Издательство «Грамота», 2011. № 5 (11). Ч. III. С. 96–100.
3. *Литвин Ю. В.* Имущественные права карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX вв.: традиция, закон и правоприменительная практика (по материалам Олонецкой губернии) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 2. 2011. № 6. С. 133–138.

Документальные публикации:

4. Карельская крестьянка в зеркале историко-этнографических источников (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов и материалов. Составители: И. С. Петричева, Ю. В. Литвин, О. П. Илюха. Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 293 с. (авторский вклад — 4 а.л.)

Другие научные издания:

5. *Литвин Ю. В.* Женщины российского Севера в публикациях путешественников и исследователей конца XIX – начала XX в. // Материалы II Международной научной конференции, организуемой Российской ассоциацией исследователей женской истории «Женская и гендерная история Отечества X–XXI вв.: новые проблемы и перспективы». М.: ИЭА РАН, 2009. С. 44.
6. *Литвин Ю. В.* К вопросу о положении женщины в карельской семье (по страницам изданий конца XIX – начала XX вв.) [Электронный ресурс] // Материалы III региональной научной конференции «Краеведческие чтения». Петрозаводск, 20 февраля 2009 г. URL: http://library.karelia.ru/in_dmaterials/kraevedcheskie chteniay 2009.html [дата обращения: 20.02.09]

7. *Литвин Ю. В.* Феномен женского отходничества и традиционные ремесленные занятия карельских крестьянок в пореформенный период // Материалы III Международной научной конференции, организуемой Российской ассоциацией исследователей женской истории «Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем». М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 1. С. 331–336.

8. *Литвин Ю. В.* Карельская крестьянка в конце XIX – начале XX вв.: женская идентичность и гендерные роли // Материалы Международной научно-практической конференции: «Карелия на этнокультурной и политической карте России: к 90-летию Республики Карелия». Петрозаводск: Verso, 2010. С. 141–145.

9. *Литвин Ю. В.* Женские промыслы в Карелии (вторая половина XIX – начало XX вв.) [Электронный ресурс] // Материалы IV региональной научной конференции «Краеведческие чтения». Петрозаводск, 16–17 февраля 2010 г. URL: http://library.karelia.ru/in_dmaterials/kraeved chtenia 2010.html [дата обращения: 16.02.10]

10. *Литвин Ю. В.* Гендерное распределение трудовых обязанностей в карельской семье в конце XIX – начале XX вв. // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 35–39.

11. *Литвин Ю. В.* Правовая культура и правовое самосознание карельской крестьянки второй половины XIX – начала XX вв.: гендерный аспект (по материалам Олонецкой губернии) // IX Конгресс этнографов и антропологов России, г. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 466.

12. *Литвин Ю. В.* Особенности формирования женской идентичности в карельской семье (по материалам Олонецкой и Архангельской губерний второй половины XIX – начала XX вв.) // Рябининские чтения–2011. Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (Петрозаводск, 12–17 сентября 2011 г.). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 100–102.

13. *Литвин Ю. В.* Организация акушерского и повивального дела земством Олонецкой губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 года, Ярославль–М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 295–299.

14. *Литвин Ю. В.* Философско-методологические проблемы гендерных исследований // Методы и принципы современных гуманитарных исследований: сб. науч. трудов аспирантов и молодых ученых. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 58–69.

15. *Литвин Ю. В.* Из истории организации профессиональной акушерской помощи крестьянкам Олонецкой губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник Карельского филиала РАНХиГС–2012. Сб. науч. ст. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. С. 265–275.

16. *Илюха О.П., Литвин Ю. В.* Забота о здоровье матери и ребенка в карельской деревне конца XIX – начала XX вв.: семейные традиции и официальная медицина // Общество: философия, история, культура. 2012. №3. С. 33–41.

17. *Литвин Ю. В.* Историко-этнографические источники о повседневной жизни карельской крестьянки (конец XIX – начало XX вв.) // Социосфера. 2012. № 4. С. 127–130.